

СОВРЕМЕННАЯ ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ ОБ ИСТОРИЧЕСКОМ ЗНАЧЕНИИ ИЗБРАНИЯ НА ЦАРСТВО МИХАИЛА ФЁДОРОВИЧА РОМАНОВА

П. Б. Уваров, С. Г. Дмитрина

*Южно-Уральский государственный гуманитарно-педагогический университет,
г. Челябинск, Российская Федерация*

В статье исследуется проблема квалификации современными российскими историками значения избрания на царство Михаила Романова в контексте и логике развития Смуты. Авторы статьи сопоставляют взгляды отечественных исследователей, выявляют доминирующие историографические тенденции в определении критериев оценки важных исторических событий. В статье доказывается, что современная российская историография испытывает на себе влияние как дореволюционной историографии, так и историософии советского периода. Авторы утверждают, что использование коммуникативной теории исторического процесса создает возможность объективно оценить место монархии в средневековой системе координат, выявить её прямую взаимосвязь с доминирующим религиозным мировоззрением общества.

Ключевые слова: история, историография, смутное время, традиционное общество, избрание на царство, Михаил Фёдорович Романов.

В современной российской историографии растет интерес к изучению событий Смуты, в том числе это касается и ключевой фигуры нашего исследования — Михаила Федоровича Романова, считавшегося фактически тихим безликим монархом, чья персона долгое время не вызывала большого интереса исследователей. Мы полностью согласны со словами Г. А. Леонтьевой о том, что «в советский период монархи были либо предметом забвения, либо необъективной критики. Между тем необходимо по-новому подойти к деятельности русских монархов XVII в., объективно оценить их роль в истории России, показать личный вклад в исторический процесс» [4, с. 167].

По нашему убеждению, объективная оценка значения исторических событий возможна при условии использования обоснованной методологической модели, свободной от идеологизации, способной к преодолению современного, на наш взгляд — архаичного, теоретико-методологического состояния исторической науки, инфицированного постулированием произвольных допущений, которые являются основным «строительным материалом» любой идеологизации. Свободная от идеологических шор методология способна вывести историческую науку на экспертный уровень, что уже практикуется в современной культурологии. [1]

Теоретико-методологическая «оптика» авторов данной статьи базируется на коммуникативной теории исторического процесса, разработанной в рамках «дедуктивной археологии» и апробированной в ряде публикаций. Сущность нашей модели исторического познания заключается в предельном допущении о природе исторической реальности и максимальном использовании, в связи с этим, возможностей дедуктивно-археологического подхода [11—14]. Предельное допущение — это онтологическая диспозиция, которая не может быть снята более общим допущением, без потери, исчезновения самого предмета допущения. Пространство «исторического» исчерпывается предельной оппозицией

двух взаимно неопровержимых и недоказуемых представлений о реальности — религиозноцентристского или безрелигиозного.

В данной статье нас будет интересовать квалификация современными российскими историками значения избрания на царство Михаила Романова в контексте и логике развития Смуты. Мы не претендуем на инвентаризацию любого высказывания на эту тему в заданном предметно-хронологическом пространстве, а лишь на те из них, которые пытаются осмыслить данное событие в рамках своих исследований.

Одним из первых историков, подробно изучающим вопросы избрания Михаила Федоровича Романова после развала Советского Союза и смены государственной идеологии, стала Л. Е. Морозова, которая самостоятельно и в соавторстве, опубликовала несколько работ по данной тематике. Л. Е. Морозова видит причины избрания юного монарха в необходимости восстановления государства, поскольку «политическая, социальная, а затем и гражданская война обескровили страну. <...> В этой ситуации гибель страны могли предотвратить всеобщее согласие и единение вокруг центра, олицетворением которого, в то время была царская власть». Историк полностью опровергает версию удобства и молодости этой кандидатуры, на которую часто ссылались либерально настроенные историки-классики и советские ученые: «если бы дело обстояло именно так, то боярам совсем не нужно было бы выбирать царя, поскольку в период «семибоярщины» власть и так была в их руках» [7, с. 38, 42, 40]. Исследователь, вразрез с советской историографической традицией, дает достаточно высокую оценку юному монарху, подчеркивая, что «в кровавое время взаимной ненависти, предательства и измены только такой человек с чистой душой и совестью мог объединить всех и вся для совместной созидательной работы» [6, с. 7]. В исследование, подготовленное совместно с А. А. Преображенским и Н. Ф. Демидовым упоминается о предложении избрания Михаила

Романова на царство, внесенным впервые патриархом Гермогеном еще в 1610 году. В тогда сложившейся ситуации никто его не поддержал, поскольку Михаил Федорович был очень молод. Кроме того, Л. Е. Морозова и ее соавторы оспаривают позицию В. Н. Татищева об ограничении власти монарха, так как власть Михаила не могла иметь ограниченный характер даже поначалу, «поскольку ко времени его приезда в Москву Земский собор был распущен, Боярская дума в прежнем составе не существовала и, и значит, никакого органа, который мог бы ограничить его власть, уже не было» [8, с. 36, 54]. По мнению исследователей, сама процедура «умоления Михаила на царство» не могла предусмотреть каких-либо ограничений его власти.

Значение избрания Михаила Федоровича Романов, Л. Е. Морозова видит в следующем: «за сравнительно небольшой срок его правительство решило труднейшие задачи: примирило враждующие группировки, отразило атаки интервентов, вернуло некоторые исконно русские земли, заключило с соседями мирные договоры, наладило в стране хозяйственную жизнь <...> юный правитель смог вывести Россию из глубочайшего кризиса и заложить фундамент для будущего развития» [8, с. 36, 55].

Известный современный специалист по Смутному времени И. О. Тюменцев, рассматривая эпоху Смуты, обратил большое внимание на деятельность «романовского клана» и патриарха Филарета, показывая тем самым неслучайность избрания Михаила, хотя к теме самого избрания он не обращался. Завершение Смуты он видит в следующем: «Полностью восстановить единую структуру государственного управления в стране удалось только после освобождения Москвы, когда собрали Земский собор правильного состава и избрали на царство Михаила Романова» [10, с. 576].

Ведущий специалист по Смуте В. Н. Козляков в монографии «Михаил Федорович» сделал акцент на том, что «род Кошкиных — Захарьиных давно находился в составе первостепенного боярства, но родство с царским домом сразу же возвышало всю семью в иерархии местничества и облегчало членам рода прохождение по чинам». В. Н. Козляков, в процессе исследования, приходит к очень важному и значимому выводу, что «для сознания человека начала XVII века принцип престолонаследия, основанный на родстве, был самым главным залогом устойчивости династии» [3, с. 17, 31].

Таким образом, фактор родства важен для возврата в сложившуюся систему координат. Именно данное легитимное основание создает преемственность между монархами, а также между правителем и обществом, о чем и пишет историк: «Имя Михаила Романова, хотя и косвенно, но могло олицетворять такую преемственность. Это и была в 1613 году главная объединяющая идея, фундамент компромисса, позволившего достичь относительного замирения после стольких лет междоусобной борьбы». Автор чувствует мировоззренческую конъюнктуру общества того времени, отмечая, что население принимает и доверяет легенде о том, что Федор Иванович видел приемника в «отпрыске рода Романовых», а «для историка, — подчеркивает он, — иногда не

столь важно, существовала ли какая-либо основа того или иного легендарного известия. Главное, что таким рассказам верили» [3, с. 31]. Подводя итог данным событиям, историк пишет, что, хотя после избрания, волнения еще прокатились по Московскому государству, но достаточно быстро стали утихать.

Близкую позицию занимает Е. В. Пчелов, в своей монографии «Романовы. История династии», где он высказал интересную мысль о неудачах кандидатур Рюриковичей на Земском соборе 1613 г. связанными с тем что члены этой семьи «уже не воспринимались народом как члены правящей династии. Московская же династия пресеклась, более важным оказалось родство именно с последними царями этой семьи, а не происхождение от одного с ними предка» [9, с. 387].

Подчеркнуто полемическую позицию занимает доктор исторических наук Д. В. Лисейцев, который, по нашему мнению, несколько увлекся новыми идеологическими веяниями, механически перенося их на события XVII века. В статье «Демократия Смутного времени», посвященной Земскому собору 1613 года, автор не соглашается с официальными документами того времени и пытается опровергнуть, тот факт, что Михаила избрали единогласно. Он пишет, что «народ не торопился принять участие во «всенародном избрании». А само избрание проходило без участия жителей Севера, Сибирского царства, Казани и Астрахани, Новгородской земли, Пскова, Смоленской земли, в данном акте могли принимать участие только те территории, которые «находились от Москвы не более чем на 400—500 верст, что по условиям того времени составляло около 10 дней пути». Историк считает, что избрание Михаила Романова не было завершающим этапом Смутного времени и не способствовало его прекращению, так как, по его мнению, «страна в течении еще нескольких лет пребывала в тяжелейшем состоянии. Нарушения, допущенные при работе собора, ставили под вопрос легитимность нового монарха, несмотря на заверения правительства в том, что избрание царя прошло исключительно правильно и единодушно» [5, с. 15, 17].

Подводя итог, Д. В. Лисейцев, приходит к выводу, следуя тропой абсолютного анахронизма, что «Земский собор 1613 года имел все шансы стать не только поворотным моментом в Смутном времени, но и поворотным событием во всей российской истории. Однако попрание норм зарождающейся демократии, силовое — и лишь облаченное в видимость законного-решение вопроса о носителе верховной власти дали новый импульс гражданской войне, позволив Смуте затянуться еще на шесть лет» [5, с. 17]. Встает закономерный вопрос о какой зарождающейся демократии пишет автор, поскольку матрица мировоззрения религиозноцентристского общества воспринимала власть как легитимную только по логичным для него основаниям, а власть народа, в понимание средневекового человека, нарушала иерархию сакрального, поскольку только монарх, помазанник Бога на земле, мог управлять государством. И еще раз подчеркнем — общество объединилось исключительно вокруг идеи закон-

ного царя, а не народовластия потому, что никакие другие формы правления на тот момент не могли опереться на традиционное религиозноцентристское сознание Московской Руси.

Современный историк С. Ю. Шокарев, выпустивший монографию «Смутное время в Москве», также затронул вопрос избрания Михаила. Рассматривая невзгоды Смуты, он подчеркивает, прежде всего «духовный кризис» общества, связанный с обстановкой распада традиционных связей и нарушением «существовавшего (или мыслившегося) порядка и общественного договора». В связи с этой обстановкой историк отмечает, что, «все сословия и социальные группы призывались к прежнему «служению», а избрание царя «всей землей» гарантировало соответствие требуемому идеалу праведного, справедливого и милостивого государя» [15, с. 7, 9]. В этой связи, у С. Ю. Шокарева проходит линия не случайности выбора Михаила Романова в 1613 году.

Итог произошедшего, по мнению С. Ю. Шокарева был следующим: «Единство общества, достигнутое за счет взаимных уступок и отказа от эгоистических интересов различных групп и слоев, а также верховенство идеи порядка и ответственности, стали основой для возрождения России. В лице нового государя, Михаила Романова, уставшее от Смуты общество нашло лидера, не запятнавшего себя участием в интригах или изменах. Юность царя стала одним из его важнейших достоинств. С ним русское общество той эпохи начинало жизнь «с чистого листа», но не выходя за пределы отеческой традиции. И царь Михаил Федорович оправдал возлагавшиеся на него надежды. Кроткий и богомольный, подобно своему дальнему родичу, царю Федору Ивановичу, он не мстил за прежние обиды, не затевал громких процессов с наказанием за прежние прегрешения, не прибегал к репрессиям. Напротив, тихий государь-юноша сумел сплотить вокруг себя страну, начать и успешно осуществлять преодоление тяжелейших последствий «Московского разорения» [15, с. 10].

Он же отмечает, что деятелям того времени «виделась традиционная схема «Святорусского государства», во главе которого стоит «богоизбранный» и «богобоязненный» царь, который правит с «правдой» и щедростью по отношению к верным слугам и с «грозой» — к преступникам. В реальности подобная политическая идеология вела к восстановлению прежних самодержавных форм управления» [15, с. 263].

Здесь мы видим, попытку интерпретации с точки зрения контекста исследуемого, но в то же время автор видимо несколько переоценивает идею социального консенсуса, в ущерб коммуникативно адекватному для обществ религиозноцентристского типа стремлению к обретению традиционной самодержавной формы правления и «богоизбранного» царя. В этой связи стоит обратить внимание на не совсем корректное заявление историка о том, что «Дворяне, купцы, духовенство, крестьяне — без самого царя — начали восстанавливать традиционную конструкцию управления страной. И это восстановление шло за счет горизонтальных связей — действий земского «мира» [15, с. 299]. По нашему

мнению, традиционная конструкция управления страной держится на определенной мировоззренческой логике ей свойственной, где основным стержнем является жестко закрепленная иерархическая структура во главе с законным ее представителем, помазанником Бога на земле — монархом, т. е. суть все же остается вертикальной. И фактически восстановление традиционной структуры без этой оси невозможно. Именно восстановление сакральной вертикали было главной исторической заслугой дворян, купцов, духовенства и крестьян.

Кроме того, в данной работе, автор делает попытку взглянуть на тему личных способностей монарха глазами людей традиционного общества: «Не отличавшийся ни государственными талантами, ни опытом, ни энергией, юный царь обладал одним важным для людей той эпохи качеством — он был глубоко религиозен, всегда находился в стороне от вражды и интриг, стремился к достижению истины, проявлял искреннюю доброту и щедрость» [15, с. 255—256].

Действительно, в структуре нашей методологической модели, собственно личностные качества монарха в религиозноцентристских обществах не имели решающего значения и были абсолютно не важны, если государь являлся легитимным по всем основаниям. Достаточно привести высказывание Э. Канторовича по этому поводу «Его природное тело (рассматриваемое само по себе) есть смертное тело, подверженное всем превратностям природы и случая, вплоть до младенческого или старческого слабоумия, как и прочим подобным бедствиям, случающимся с природными телами прочих людей. Но его политическое тело является телом, каковое не может быть видимо или ощущаемо в прикосновении, поскольку оно состоит из политики и правления и создано для руководства народом и поддержания общего блага; и это-то тело совершенно свободно от младенчества или старости и прочих природных недостатков и немощей, которым подвержено природное тело, и по этой причине то, что король совершает в своем политическом теле, не может быть лишено силы или оспорено на основании какого бы то ни было несовершенства его природного тела» [2, с. 12].

Итак, историография постсоветского периода испытывает на себе, с одной стороны, влияние историософии советского периода, а с другой, идей классиков дореволюционной историографии, особенно в той части, где она ангажировано критична к традиционной российской государственности. Обновление теоретико-методологических подходов к прошлому за счет идеологии «модерна» ведет к анахронизму и, в последствии, к нарушению принципа историзма. Теоретико-методологическая архаика, инфицированная идеологием приводит к ошибочному представлению о месте монархии в средневековой системе координат из-за неспособности видеть ее прямую взаимосвязь с доминирующим религиозным мировоззрением общества, что влияет на исследовательскую логику и точность выводов. Исходя из разработанной нами коммуникативной теории исторического процесса, именно религия является смысло- и структурообразующим началом

данного общества, а правитель является непосредственным посредником между Абсолютом и людьми в создании «пространства определенности».

В современной российской историографии события избрания монарха в подчас рассматриваются с точки зрения современных либеральных ценностей, трактуются как зачаток складывания правового государства или как упущенную возможность прийти к более совершенной форме правления — республиканской с элементами демократии. Хотя данный феномен не мог возникнуть ex nihilo, поскольку в любом традиционном обществе регулятором социальной активности был соответствующий «образ истинности», формировавший представления о смысле существования, ценностях, нормах и требовавший от человека императивного воплощения их в действительности. Таким образом, можно подчеркнуть, что историки современности не всегда видят разницу между контекстами исследования и исследователя, примеряя коммуникативную логику современной реальности на события средневековой Московской Руси. Поэтому не всегда, теоретико-методологические основания, выбранные нашими современниками, способствуют компетентным экспертным выводам в данной области.

Литература и источники

1. Загребин, С. С. Культурологическая экспертиза в системе культурной политики современного российского государства / С. С. Загребин // *Фундаментальные проблемы культурологии* : в 4 т. / отв. ред. Д. Л. Спивак. — Т. IV. *Культурная политика*. — С. 54—57. — СПб. : Алетейя, 2008.

2. Канторович, Э. Два тела короля. Очерк политической теологии Средневековья / Э. Канторович. — М. : Изд-во Института Гайдара, 2005. — 752 с.

3. Козляков, В. Н. Михаил Федорович / В. Н. Козляков. — М. : Молодая гвардия, 2010. — 346 с.

УВАРОВ Павел Борисович, доктор исторических наук, профессор кафедры отечественной истории и права, Южно-Уральский государственный гуманитарно-педагогический университет (г. Челябинск). E-mail: pbuvar@mail.ru

ДМИТРИНА Светлана Геннадьевна, аспирант кафедры отечественной истории и права, Южно-Уральский государственный гуманитарно-педагогический университет (г. Челябинск), учитель МОУ СОШ 13 г. Кыштыма. E-mail: svetlana.dmitrina@mail.ru

4. Леонтьева, Г. А. Первые Романовы на российском престоле / Г. А. Леонтьева // *Вопросы истории*. — 1998. — № 11—12. — С. 167—169.

5. Лисейцев, Д. В. Демократия Смутного времени: как проходил Земский собор 1613 года / Д. Лисейцев // *Родина*. — 2013. — № 2. — С. 14—17.

6. Морозова, Л. Е. История России в лицах: государственные деятели XVII века / Л. Е. Морозова, А. В. Демкин. — М. : Школа-Пресс, 2001. — 112 с.

7. Морозова, Л. Е. Михаил Федорович / Л. Е. Морозова // *Вопросы истории*. — 1992. — № 1. — С. 32—47.

8. Преображенский, А. А. Первые Романовы на Российском престоле / А. А. Преображенский, Л. Е. Морозова, Н. Ф. Демидова. — М. : Русское слово, 2000. — 456 с.

9. Пчелов, Е. В. Романовы. История династии / Е. В. Пчелов — М. : ОЛМА-Пресс, 2003. — 494 с.

10. Тюменцев, И. О. Смутное время в России начала XVII столетия: движение Лжедмитрия II / И. О. Тюменцев. — М. : Наука, 2008. — 686 с.

11. Уваров, П. Б. «Дедуктивная археология» как принцип исторического познания: сущность и когнитивные возможности реконструкции прошлого / П. Б. Уваров // *Проблемы истории, филологии, культуры*. — 2010. — № 3. — С. 54—68.

12. Уваров, П. Б. Проблемы современного исторического познания / П. Б. Уваров // *Проблемы российской истории*. — 2002. — № 1. — С. 46—58.

13. Уваров, П. Б. Теоретико-методологическое обновление исторической науки: необходимое и перезревшее (на примере антропологии интеллигенции) / П. Б. Уваров // *Традиционные общества: неизвестное прошлое* : материалы IX Междунар. науч.-практ. конф. ; ред. Д. В. Чарыков, И. А. Толчев, О. Д. Бугас. — Челябинск, 2013. — С. 35—47.

14. Уваров, П. Б. Цивилизация определенности: опыт введения в традиционалистику / П. Б. Уваров // *Цивилизация определенности* : сб. ст., посв. 10-летию научного объединения «Философия истории». — Челябинск : Челябинский гос. пед. ун-т, 2005. — С. 6—15.

15. Шокарев, С. Ю. Смутное время в Москве / С. Ю. Шокарев. — М. : Вече, 2013. — 304 с.

Поступила в редакцию 02 марта 2018 г.

MODERN NATIONAL HISTORIOGRAPHY ON THE HISTORICAL IMPORTANCE OF CROWNING MIKHAIL FYODOROVICH ROMANOV AS TZAR

P. B. Uvarov, pbuvar@mail.ru

S. G. Dmitrina, svetlana.dmitrina@mail.ru

South Ural State Humanitarian Pedagogical University, Chelyabinsk, Russian Federation

The paper investigates the problem of classification of historical importance of crowning Mikhail Fyodorovich Romanov as Tzar by modern Russian historians in the context and the logic of development of the era known as the “Time of Troubles”, or Smuta. Authors of this paper compare points of view of Russian researchers, identify dominant historiographical trends related to definition of criteria to evaluate important historical events. The paper provides proofs supporting an opinion that modern Russian historiography is influenced both ante-revolutionary historiography and historiosophy of the Soviet period. The authors assert that the use of the communicative theory for the historical process creates an opportunity to objectively evaluate the place of monarchy in the medieval system of coordinates, and to educe its direct relationship with dominant religious mindset of the society.

Keywords: history, historiography, the “Time of Troubles” (or Smuta), traditional society, crowning as Tzar, Mikhail Fyodorovich Romanov.

References

1. Zagrebin, S.S. Kul'turologicheskaja jekspertiza v sisteme kul'turnoj politiki sovremennogo rossijskogo gosudarstva [The cultural examination in system of a cultural policy of the modern Russian state]. *Fundamental'nye problemy kul'turologii: v 4 t.* Otv. red. D.L. Spivak. SPb. Aletejja, 2008. T. IV. Kul'turnaja politika. P. 54-57.
2. Kantorovich, Je. *Dva tela korolja. Oчерk politicheskoy teologii Srednevekov'ja* [Two bodies of the king. A sketch of political theology of the Middle Ages]. Je. Kantorovich. M. Izdatel'stvo Instituta Gajdara, 2005. 752 p.
3. Kozljakov, V.N. *Mihail Fedorovich [Mihail Fedorovich]* / V.N. Kozljakov. M. Molodaja gvardija, 2010. 346 p.
4. Leont'eva, G.A. *Pervye Romanovy na rossijskom prestole* [First Romanovs on the Russian throne]. G.A. Leont'eva. *Voprosy istorii*. 1998. 11-12. P. 167-169.
5. Lisejcev, D. V. *Demokratija Smutnogo vremeni: kak prohodil Zemskij sobor 1613 goda* [The Democracy of Vague time: as there passed the Zemsky cathedral of 1613] / D. Lisejcev. *Rodina*. 2013. 2. P. 14-17.
6. Morozova, L.E. *Istorija Rossii v licah: Gosudarstvennye dejateli XVII veka* [History of Russia in persons: Statesmen XVII]. L.E. Morozova, A.V. Demkin. M. Shkola-Press, 2001. 112 p.
7. Morozova, L.E. *Mihail Fedorovich [Mihail Fedorovich]*. L.E. Morozova. *Voprosy istorii*. — 1992. 1. P. 32-47.
8. Preobrazhenskij, A.A. *Pervye Romanovy na Rossijskom prestole* [First Romanovs on the Russian throne] / A.A. Preobrazhenskij, L.E. Morozova, N.F. Demidova. M. OOO «TID» Russkoe slovo. RS», 2000. 456 p.
9. Pchelov, E.V. *Romanovy. Istorija dinastii* [Romanovs. Dynasty history]. E. V. Pchelov. M. OLMA-PRESS, 2003/ 494 p.
10. Tjumencev, I.O. *Smutnoe vremja v Rossii nachala XVII stoletija: dvizhenie Lzhedmitrija II* [Vague time in Russia the beginnings of XVII century: movement Lzhedmitriy II]. I.O. Tjumencev. M. Nauka, 2008. 686 p.
11. Uvarov, P.B. «Deduktivnaja arheologija» kak princip istoricheskogo poznanija: sushhnost' i kognitivnye vozmozhnosti rekonstrukcii proshlogo [«Deductive archeology» as a principle of historical knowledge: essence and possibilities of reconstruction of the past]. *Problemy istorii, filologii, kul'tury*. 2010. 3. P. 54-68.
12. Uvarov, P.B. *Problemy sovremennogo istoricheskogo poznanija* [The Problems of modern historical knowledge]. *Problemy rossijskoj istorii*. 2002. 1. P. 46-58.
13. Uvarov, P.B. *Teoretiko-metodologicheskoe obnovlenie istoricheskoy nauki: neobhodimoe i Perezvshhee (na primere antropologii intelligencii)* [The theory and methodological updating of a historical science: necessary and become overripe (on an example of anthropology of intelligency)]. *Tradicionnye obshhestva: neizvestnoe proshloe. Materialy IX Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii*. red. D.V. Charykov, I.A. Tolchev, O.D. Bugas. 2013. Cheljabinsk. p. 35-47.
14. Uvarov, P.B. *Civilizacija opredelennosti: opyt vvedenija v tradicionalistiku* [Definiteness civilisation: introduction experience Tradition history]. *Civilizacija opredelennosti. Sbornik statej, posvjashhennyj 10-letiju nauchnogo ob#edinenija “Filosofija istorii”*. Cheljabinskij gosudarstvennyj pedagogicheskij universitet. Cheljabinsk, 2005. P. 6-15.
15. Shokarev, S.Ju. *Smutnoe vremja v Moskve* [Vague time in Moscow]. S.Ju. Shokarev. M. Veche, 2013. 304 p.

Received March 02, 2018

ОБРАЗЕЦ ЦИТИРОВАНИЯ

Уваров, П. Б. Современная отечественная историография об историческом значении избрания на царство Михаила Фёдоровича Романова / П. Б. Уваров, С. Г. Дмитрина // Вестник ЮУрГУ. Серия «Социально-гуманитарные науки». — 2018. — Т. 18, № 2. — С. 36—40. DOI: 10.14529/ssh180206

FOR CITATION

Uvarov P. B., Dmitrina S. G. Modern national historiography on the historical importance of crowning Mikhail Fyodorovich Romanov as tzar. *Bulletin of the South Ural State University. Ser. Social Sciences and the Humanities*. 2018, vol. 18, no. 2, pp. 36—40. (in Russ.). DOI: 10.14529/ssh180206